

Виктор КОРОЛЕВ

Еликанида и Анна

Издательство
"Союз писателей"

Виктор Королев
Еликанида и Анна

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)

Королев В. В.

Еликанида и Анна / В. В. Королев — «Издательство «Союз писателей», 2017

ISBN 978-5-00073-741-5

Новая книга писателя В. Королева «Еликанида и Анна» во многом автобиографична. Хронологически она охватывает несколько десятилетий. В заглавной повести события начинают разворачиваться ещё с гражданской войны, но главное место занимает пронзительное по своей искренности повествование о судьбе двух простых крестьянок, охранявших переправу в годы Великой Отечественной. В таёжной глуши, практически без еды и какой-либо помощи они четыре года посменно дежурили у реки и – выстояли. В трёх следующих рассказах литературные героини уже обретают реальные черты. Автор вспоминает о своих родителях, переживших суровые военные годы, об их поступках, обыденных на первый взгляд, но полных самоотверженности, и потому героических.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-741-5

© Королев В. В., 2017
© «Издательство «Союз писателей», 2017

Содержание

Еликанида и Анна	6
Глава 1. Страшный сон	6
Глава 2. Смена караула	8
Глава 3. На переправе	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Виктор Королев

Еликанида и Анна

© Королев В. В., 2017

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2017

Еликанида и Анна

Киноповесть

Глава 1. Страшный сон

Ночью Еликаниде приснился всё тот же страшный сон, что мучил её который год. Ей двадцати ещё не было, она тогда помогала отцу в зимней работе – всем семейством строили лодки. За деревней река делает поворот и катится с шумом вниз. Перекаты эти от деревни Кашки не видны. Лодки внизу бьются об камни, всё дно ниже по течению Чусовой усеяно осколками и железными чушками. Здесь главный путь лежал ещё с демидовских времён, по реке на лодках металл сплавляли. А металл, он везде нужен.

Гружёные лодки потонут, а прогонщики выберутся на берег да в новые, покупные сядутся – иначе до города не добраться. Платили хорошо, по сорок рублей за лодку. Вся деревня этим занималась. За зиму тятя, бывало, по две лодки собирал. Апрель или май уже, сплав вот-вот пойдёт, он день и ночь на берегу, днища смолит. Ну и они, пятеро детей, тоже участвовали.

Сначала надо было поднять наверх брёвна. Они неслись по реке, некоторые прибывало к берегу, и, застряв в затоне, они дожидались мастера. Брёвна были ничьи, так считалось испокон веков: всё, что река приносит, принадлежит тому, кто первый из воды достанет.

Закатить наверх непросто. Тяжёлое бревно крутилось, грозило уйти обратно в осеннюю воду, и нужно было вытащить его на берег и сразу же ошкурить. Потом пусть сохнет, а раз ошкурил – значит, застолбил, никто в деревне никогда не позарится, это уже твоё.

Как подсохнет, тащить. Да подстраховывать верёвкой сверху, с обоих концов, чтобы не перекошилось, не сорвалось. Колышки подставлять, наготове ещё колья держать, подбивая их на передышке. И тянуть на раз-два. Катить что есть сил, не переставая. Мать сверху на верёвках, отец у комля, ребятня – с боков. Тут без помочи не осилить. А она старшая, невеста уже.

Свадьбу сыграли на святцы. Гриша Гилёв сильно ей глянулся. Когда посватался, счастлива была. Да и потом, до весны, до тепла каждое утро просыпалась с радостной улыбкой: «Какая же я счастливая!» То были светлые, цветные сны. А другой, страшный – он позже появился.

В ту весну вода была большая, а сплав почему-то всё не шёл. Готовые лодки качались на привязи у самого берега или сохли, перевёрнутые, на берегу. Они с Гришей начали ставить свой дом, когда нарочный с железки прискакал, рассказал, что война кругом идёт: одни за красных, другие за белых. В деревне не видали ни тех, ни других до июля.

Первыми в Кашку пришли белые. В отряде было человек двадцать, все конные, пеших двое. Расположились по избам, в основном на Нижней и Средней улицах. Утром собрали всех мужиков на поляне у реки, и офицер с красивыми усиками объявил, что двое из деревни должны пойти с ними добровольно, а четырёх лошадей они забирают до полной победы над большевиками.

С лошадьми решили быстро: у кого было по две на дворе, взяли одну вместе со сбруей, вывели молча, не слушая никого и ни с кем не споря. С добровольцами решали дотемна, ругаясь и тыча пальцами друг в друга, пока не вмешался красивый офицер с усиками. Тем, у кого трое сыновей, приказано было привести старшего. Таких как раз двое и оказалось: Корюков Степан с Нижней да Николай Сколов со Средней улицы. Наутро весь отряд ушёл из деревни. Ни Степана, ни Николеньку – лучших женихов в деревне – никто больше никогда не видел.

Белые ещё появлялись в деревне, но уже без ночевой. Слух прошёл, что они прочно встали в оборону на железнодорожной станции, а это пятнадцать вёрст от Кашки.

Красные пришли по берегу Чусовой. Их было около полусотни, многие в полосатых рубашках и чёрных плоских кепках с узкими лентами. Устроились на ночёвку в домах у самого леса. Командир отряда с пятью матросами выбрали избу повыше и побогаче. Из окон дома Гаврилы Ячменёва вся деревня была как на ладони. Сам Гаврила лодок не строил, держал пчёл, с них имел достаток, ссужал всех деньгами, не зверствуя, и за то был уважаем настолько, что звали его не иначе, как Ганя.

Ночью пальба началась со всех сторон. Белые носились по деревне на конях, стреляя во всё, что движется. Красные, те, что ближе к лесу ночевали, отстреливаясь, скрылись в чаще. А те, что в Ганином доме были, оказались в западне. Они пытались уйти огородом, но в темноте их было прекрасно видно – в исподнем же все. Все в картофельной ботве и полегли.

Убитых перенесли под окна дома Ячменёвых, положили в ряд. Один из моряков был только ранен, но лежал не шевелясь. И если бы не муха, севшая на босу ногу, он, может быть, остался бы жив. Белые заметили, как у одного из «мертвецов» дёрнулась нога. Подполковник с золотыми погонами наставил на него винтовку со штыком и сказал:

– Коли живой, вставай, а то заколю!

Раненый встал – и лучше бы он не делал этого: то, что над ним учинили, было страшнее смерти. Подполковник приказал всем жителям деревни смотреть, как его пытаются.

Вот это и не может забыть Еликанида. С тех пор этот страшный сон регулярно является ей, а к перемене погоды – уж обязательно.

Убитых моряков похоронили на ровной площадке крутого берега Чусовой. Могилу копали деревенские мужики по приказу подполковника. Потом белые ушли, пришли красные. Подойдя к околице, они начали стрелять из пулемётов вдоль улиц. Пули залетали в дома, и тятя сказал всем залезть в подполье.

Красные первым делом спросили, где дом Гаврилы. А в деревне было несколько мужиков с таким именем, и им указали совсем на другой дом, не Ганин. Этот дом красные подожгли со всех сторон и ушли. А через несколько дней приехали на двух тачанках строгие комиссары и начали разбор. Допрашивали всех. Арестовали многих мужиков. Гришу её и тятю тоже забрали, больше она их не видела...

Потом очень тяжело было. Как и всем. Еликанида родила мальчика, но в следующий год случился дикий неурожай, зима была лютой и голодной, первенца не уберегла.

Позже началась коллективизация, и снова всех собирали на поляне. Объясняли, как будет хорошо, когда всё станет общее. Проголосовали – вся деревня против. Просто молча – против. Снова уполномоченные говорили про светлое будущее. Просили высказаться для протокола. Кое-кто выступил. Снова голосовали, и снова все – против колхоза. Тогда уполномоченные уехали, а назавтра вернулись с солдатами и всех выступавших вчера арестовали как саботажников и подстрекателей.

Через неделю опять собрали собрание. И снова все жители проголосовали против нового строя. Через день забрали оставшихся мужиков. Вся деревня провожала подводы с арестованными до околицы. А на следующее собрание не пришёл ни один человек. Ни один. Деревня словно вымерла. Оставили Кашку в покое, но без мужиков она стала быстро хиреть.

До войны ещё раз собирали всех. Приехал выездной суд для пересмотра дела, привезли из тюрьмы тех, кто могилу для матросов копал. И надо же такому случиться – один из осуждённых узнал в судьё белогвардейского подполковника, который командовал расправой. Судью тут же арестовали, а того кашкинца освободили. Повезло.

Еликаниде на суде стало плохо, потеряла сознание. А тот страшный сон стал сниться регулярно. К холоду – обязательно.

Глава 2. Смена караула

Еликанида ещё долго лежала, пытаясь отогнать остатки ночного кошмара. Наконец слезла с тёплых полатей, стала растапливать печку. Они с Анной сразу договорились: соль, спички и керосин беречь пуще глаза – самим это не сделать, а ждать неоткуда. Потому огонь поддерживали по-своему: с осени напилили лиственных и кедровых плашек, нарубили из них кубиков. Кто печь в доме топит, тот на сковородке кубики эти на очаг ставит перед тем, как вьюшку закрыть. Кубики схватываются, начинают тлеть – и до рассвета огонь держат.

Еликанида раздула кубики, поднесла к ним льняную паклю, сунула огонь к сухим щепкам. Через две минуты добрая печь загудела. Зажгла и лучину над тазиком. Темнота за окном стала как-то светлее. День начинался. Который уже по счету?

Если считать с того, как приехали двое военных со станции и объявили, что война с Германией началась, так уже полгода прошло. Тогда последних двоих парней забрали, и это было в июле. Тетке Матрёне как старшей из трёх оставшихся в Кашке женщин военные дали винтовку и строго-настрого приказали охранять стратегический объект – деревянную переправу, что выше по течению, в паре километров от деревни. Сказали, что все трое теперь военнообязанные Красной Армии и отвечать будут по законам военного времени.

Тётка Матрёна простудилась и умерла в начале октября, ещё снег не лёг. В последний день всё торопилась досказать, как лучше льдины от берегов отгонять, чтобы вода не схватилась и льдом не разрушило переправу. К тому времени они уже поставили домик для часового и сложили в нём печку. Тётку Матрёну похоронили достойно, помянули с Анной крепким травяным чаем. Тогда же и решили, что по суткам будут сторожить: пока одна караулит на переправе, другая всё делает по хозяйству.

Анна поселилась в доме Еликаниды в сентябре. Отца её, Ганю Ячменёва, раскулачили и увезли в неизвестном направлении. Пятнадцатилетнего брата мобилизовали красные, а сёстры, как и Еликанидины младшие, подались на станцию, и от них с тех пор ни слуху ни духу. Анна осталась одна. Она появилась на пороге Еликанидиного дома с рамкой сотового мёда, молча протянула хозяйке.

– Садись к столу, коли не шутишь, картох положу тебе, – сказала необидчиво Еликанида.

Потом пили чай. Молча. А чего говорить, когда всё ясно: теперь вместе придётся коротать жизнь, пока она не кончится. Делить им нечего, а вместе, глядишь, и выдюжат.

Анна была моложе её лет на двадцать, и потому, наверное, никак не называла Еликаниду – ни по имени, ни тёткой. И она её в ответ не стала никак звать. Общались обе просто на «ты».

Анну пришлось многому учить. В поле и по дому она всё делала, а вот мужицкую работу потянуть не могла. Ни рыбалить, ни масло давить. Как винтовку разбирать и чистить, Еликаниде пришлось безуспешно показывать ей не раз. Однажды даже сорвалась:

– До чего ж бестолкова девка – горшок, а не голова!

Анна вспыхнула:

– Была девка, пока замуж не вышла, да война сделала вдовой!

Мужа у Анны призвали в тридцать восьмом, в финскую он пропал без вести, она осталась бездетной и без пособия. Больше они ни о мужьях, ни о детях не говорили никогда. И не ссорились больше...

Еликанида снова глянула на заиндевшее окошко – пора в караул заступать. Подкинула дров в печку. Поддела тёплое под низ. Сунула ноги в растоптанные валенки. Вспомнила в который раз, как ребёнком-малолеткой сидела подле отца, когда тот у печки сучил дратву.

– Тять, а чо ты делаешь? Зачем верёвочку смолой трёшь?

И отец стал рассказывать, как нужно дратву готовить, как валенки подшивать, чтобы зимой не расползлись. Столько лет прошло, а нужда заставила – и сразу всё вспомнилось, словно всю жизнь этим занималась. Да мало ли ещё таких дел по дому, которые вроде сами делаются, а как останешься за старшую, так голова кругом. Хорошо, в том сентябре успели до дождей картоху убрать да дров наготовили три больших поленицы – Анна и тут неумеха оказалась, пришлось Еликаниде неделю одной колоть дрова.

А вот травы сушить – это Анна. Уйдёт в лес с рассветом, пока Еликанида на посту стоит, а к вечеру уже на противнях и лист смородиновый, и иван-чай, и пижма засушены, и орехи кедровые налущены, и сосновые иглы запарены, и много ещё чего на зиму заготовлено. Однажды зуб у Еликаниды разболелся, так Анна шалфеем её отпоила, не дала боли верховодить...

Картошка сварилась, воду с чугунок слила в баклажку – Анна придёт с мороза, ей тёплое питьё будет. Пора за водой идти. Поверх старого самодельного ватника Еликанида повязала штопанную-перештопанную шаль, верёвкой подпоясалась, взяла рукавицы. В сенцах сняла с гвоздя коромысло, два старых ведра. Открыла дверь – сразу окатило холодным паром так, что дыхание зашлось.

Над рекой поднимался розовый туман. Кое-где сквозь него было видно, как посередине реки, не покрытой льдом, мчится пенная вода. Узкая полоска кроваво-оранжевого солнца висела над лесом. Не было во всём мире ни звуков, ни запахов. Стояла такая божественно звонкая тишина, что Еликанида ахнула, мигом вспомнив:

– Мамочки мои, сёдня ж Рождество!

И сразу всё заладилось, закрутилось по-праздничному. Вёдра сами наполнились водой и встали на берегу, пока Еликанида проверяла вершу и вытаскивала из неё двух добрых хариусов. Их в мешок, коромысло на шею – скорее домой!

В избе собралась тоже быстро. Картошку за пазуху, лепёшки, с вечера наготовленные, туда же. Вперёд, Анну замёрзшую сменять! Заколела, поди.

Два километра прошла налегке, быстро. В одном месте только чуть не провалилась под лёд. Анну увидела издали. Та стояла не шевелясь у домика с трёхлинейкой на правом плече. Подошла к ней вплотную.

– На-ко картоху, пока горячая! И лепёшки вот...

Та благодарно лишь кивнула. Брови, ресницы – всё в инее.

– Винтовку давай! Да у кривой берёзы лыву правее обойди, там лёд тонкий. Я воды в избе нагрела – помоешься. С Рождеством Христовым тебя!

Анна жадно ела картошку и ответила едва слышно:

– И тебя, Лика, с Рождеством...

Еликанида долго смотрела ей вслед и ругала себя, что не спросила про волка. Следы его у переправы она видела в прошлую смену.

Глава 3. На переправе

Волк появился ближе к сумеркам. Еликанида за это время успела натопить в домике, попить пустого чаю с лепёшками и вяленой рыбой, перетаскать к печке воды и дров на ночь. Потом она переобулась, надела сапоги. Они с Анной их берегли – солдатские кирзовые сапоги были только для осмотра плотины.

Переправа что такое? Это мост на перекате, плотина, сложенная из камней. В речное дно вбиты листовенные стояки, они держат брёвна с двух сторон, а между ними – бутовая кладка. Поверху проход в два бревна, сбоку – дощатый шлюз, который при большой воде можно открыть и спустить напор. А так круглый год Чусовая катится в пролёты меж стояков.

Вот по этой плотине, взяв для страховки слегу покрепче, и пошла Еликанида в солдатских сапогах. Кое-где вода захлёстывала брёвна, в валенках здесь не пройти.

Прошлой осенью приехал верхом парень со станции, привёз соли маленько и керосину в бутылке.

– Как там, на фронте-то? – спросила Еликанида.

– Плохо, бабоньки. Немец под самой Москвой уже. Тяжело Красной Армии, – вздохнул парень. Он, наверное, Анну хотел увидеть, но та на посту стояла, её очередь была караулить.

Парень зашёл в избу, попил воды, посмотрел, как они живут, снова вздохнул и снял с себя сапоги:

– Натё, бабоньки, вам на память от меня, на фронт ухожу...

Так и уехал босым. А сапоги его хоть на две портянки, но очень кстати оказались.

Еликанида прошла по верху плотины, нащупывая речное дно слегой. На другом берегу взяла ещё тёткой Матрёной сделанный деревянный лом – ствол молодой листовенницы с удобной развилкой вместо ручки и стёсаным острым комлем. Таким ломом очень удобно сбивать у берега окраины, схватившиеся льдом. Не собьёшь сейчас – по весне не справишься, когда ледоход начнётся, и переправа, да и вся жизнь, считай, пропали. По законам военного времени...

Еликанида обивала ото льда окраины часа два, пока солнце не стало уходить. Пошла в домик греться. Сидела у окошка, поглядывая на переправу, когда появился он.

Волк пришёл по её следам. Сначала она его даже не увидела, скорее почувяла как-то. Глянула на протоптанную дорожку, а там пуговка чёрная движется. Волк был весь в инее, морда обледенела, только нос чернеет.

Он остановился. Человек и зверь смотрели друг на друга. Их разделяли метров двадцать да ещё стекло.

– Зачем ты пришёл? Уходи! – сказала Еликанида.

А может, ей показалось, что сказала. Губы шевелились от страха. Волков она отродясь не видала, в деревню они не заходили, хватало им добычи в лесу.

Чёрная пуговка шевельнулась и придвинулась к домику на пару метров. Теперь уже было видно, как редко зверь дышит. Пар от его дыхания всё ещё скрывал волчью морду, но глаза и уши уже можно было различить.

– Уходи! – снова прошептала Еликанида.

Пуговка придвинулась ещё. Волк опустил голову, словно приносиваясь, и глаза его блеснули.

– Уходи! Христом Богом прошу! – сказала Еликанида на этот раз громко.

Волк поднял голову, в три лёгких прыжка скакнул метров на пять ближе, высоко вскидывая над снегом лапы, и сел.

– О господи! – ахнула Еликанида. Она поняла, что зверь не уйдёт. А ещё поняла, что, если его сейчас прогнать, он пойдёт по следам и очень быстро найдёт Анну. Это мороз выгнал его из

леса. Там вся живность попряталась. Он голодный, ему нужна любая добыча, и он будет ждать, пока Еликанида не выйдет из домика. Хоть до утра. А утром... ой, утром же Анна придёт!

В сумеречном свете она видела, что волк уставился на неё жёлтыми глазами. Даже маленькие круглые зрачки разглядела.

Попыталась встать, чуть не упала, ноги совсем не держали. Тяжело шаркая, дошла до печки, запалила от огня лучину. К окну старалась не поворачиваться. Оглядела крохотную каморку и ничего для защиты не нашла. Ножичек – им только рыбу резать. Ни ухвата, ни вил. Топором от волка не отмашешься. А-а, штык есть. Они с Анной специально принесли его сюда: в деревне он без надобности, а здесь хорошо им лёд колотить, лунки делать.

Вытащила из-под притолоки штык, примкнула к винтовке. Та сразу стала какая-то уравновешенная, приклад не перетягивал, легче одной рукой держать. И длинная стала, как слега. Примериваясь, подвигала трёхлинейкой, как вилами. Усмехнулась про себя: «Тоже мне боец Красной Армии!»

Потом передёрнула затвор, загнав патрон в патронник. Всё, как учила тётка Матрёна. Ну что? Что будет-то, а? Идти надо?

Надо идти. Рукавицы не стала надевать. Дверь открывала медленно, высунув сначала штык, потом ствол винтовки, потом пол-лица.

Зверь сидел метрах в пяти. Когда она шагнула от двери, он мигом вскочил и пошёл на неё. Дыхание его стало частым и громким. Воронёные штык и ствол ему были не видны, и смотрел он прямо в лицо Еликаниды. Она ещё успела подумать, что сейчас он прыгнет, метаясь в её горло, успела увидеть, как он оскалился, успела услышать, как он хрипло зарычал, успела поднять ствол чуть повыше.

Больше она ничего не успела. Снег под её валенком скрипнул – и волк прыгнул.

Палец у Еликаниды был на курке. Когда зверь налетел на штык, рука её дёрнулась, и винтовка выстрелила. Прикладом её ударило в живот, и она упала. Показалось даже, что на секунду потеряла сознание. Лежала молча на снегу и ждала, когда перестанет звенеть в ушах. Потом с трудом поднялась, ухватившись за дверь домика. На мёртвого зверя старалась не смотреть.

Зашла в домик, сняла ватник и долго пила из ковшика. Потом подкинула дров, разрядила винтовку и стала чистить её шомполом. Затвор и трёхгранный штык протёрла тряпкой, тряпку бросила в печь.

Ночью выходила до ветру – посмотрела на волка. Почему-то стало жалко его, но сильнее – себя, своей никчемной, никому не нужной жизни, обидно стало до слёз за вечную бедность и неустроенность. Но слёз не было.

Не было и сна. Всю оставшуюся ночь просидела у окошка, усевшись так, чтоб не видеть волка. Как стало светать, решила. Вышла, оттащила тяжёлую тушу к реке, столкнула в воду. Потом всё прибрала у домика.

Совсем рассвело, когда на тропке появилась Анна. Она подошла к Еликаниде, спросила тихо:

– Приходил?

– А ты откуда знаешь?

– Следы позавчера видела. Не сказала тебе, не хотела пужать. – Она подождала немного, потом выдохнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.